

ДЖОРДЖ Р.Р.
МАРТИН

ТАНЕЦ С ДРАКОНАМИ

Грезы и пыль
Искры над пеплом

Издательство АСТ
Москва

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Между книгами прошло немало времени, знаю — поэтому небольшое вступление будет кстати.

Книга, которую вы держите в руках, — это пятый том саги «Песнь льда и огня». Четвертый называется «Пир стервятников». Пятая книга не продолжает четвертую в традиционном смысле, а движется параллельно с ней.

И «Пир», и «Танец» начинаются непосредственно после событий, описанных в третьей книге, «Буре мечей». Действие «Пира» происходит в Королевской Гавани и поблизости от нее, на Железных островах, в Дорне. «Танец» переносит нас в Черный Замок и за Узкое море, возобновляя истории Тириона Ланнистера, Джона Сноу, Дейенерис Таргариен и других персонажей, не участвовавших в четвертой книге. Различия между двумя книгами относятся скорее к географии, чем к хронологии, и скоро исчезнут совсем.

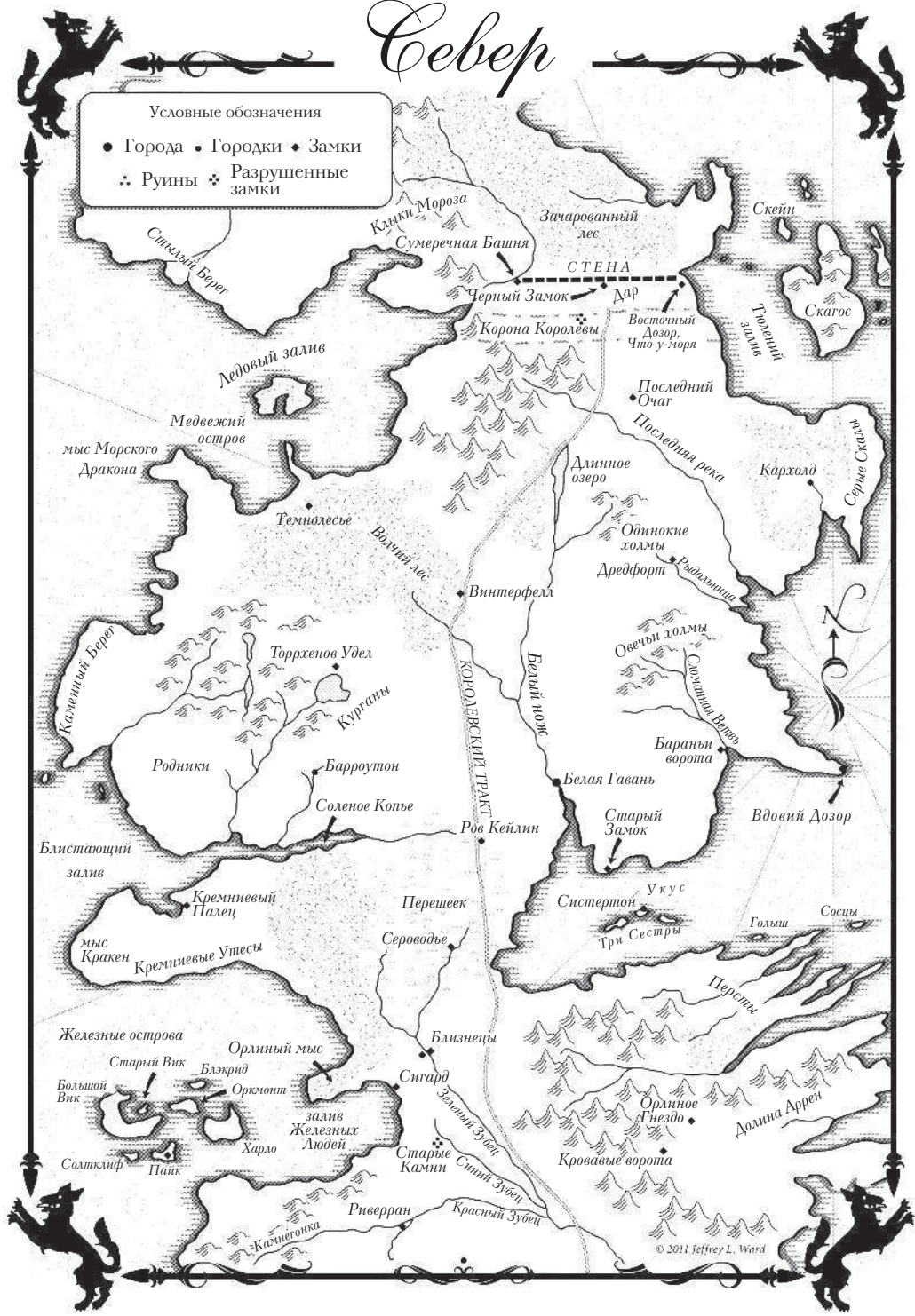
«Танец с драконами» длиннее «Пира» и охватывает более долгий период времени. Во второй половине книги вы снова встретитесь с персонажами «Пира стервятников». Это будет означать именно то, что вы думаете: повествование выйдет за хронологические рамки четвертой книги, и обе линии сольются в одну.

Следующая книга — «Вихри зимы». С надеждой еще раз познакомиться вместе,

Джордж Р.Р. Мартин
Апрель 2011

Север

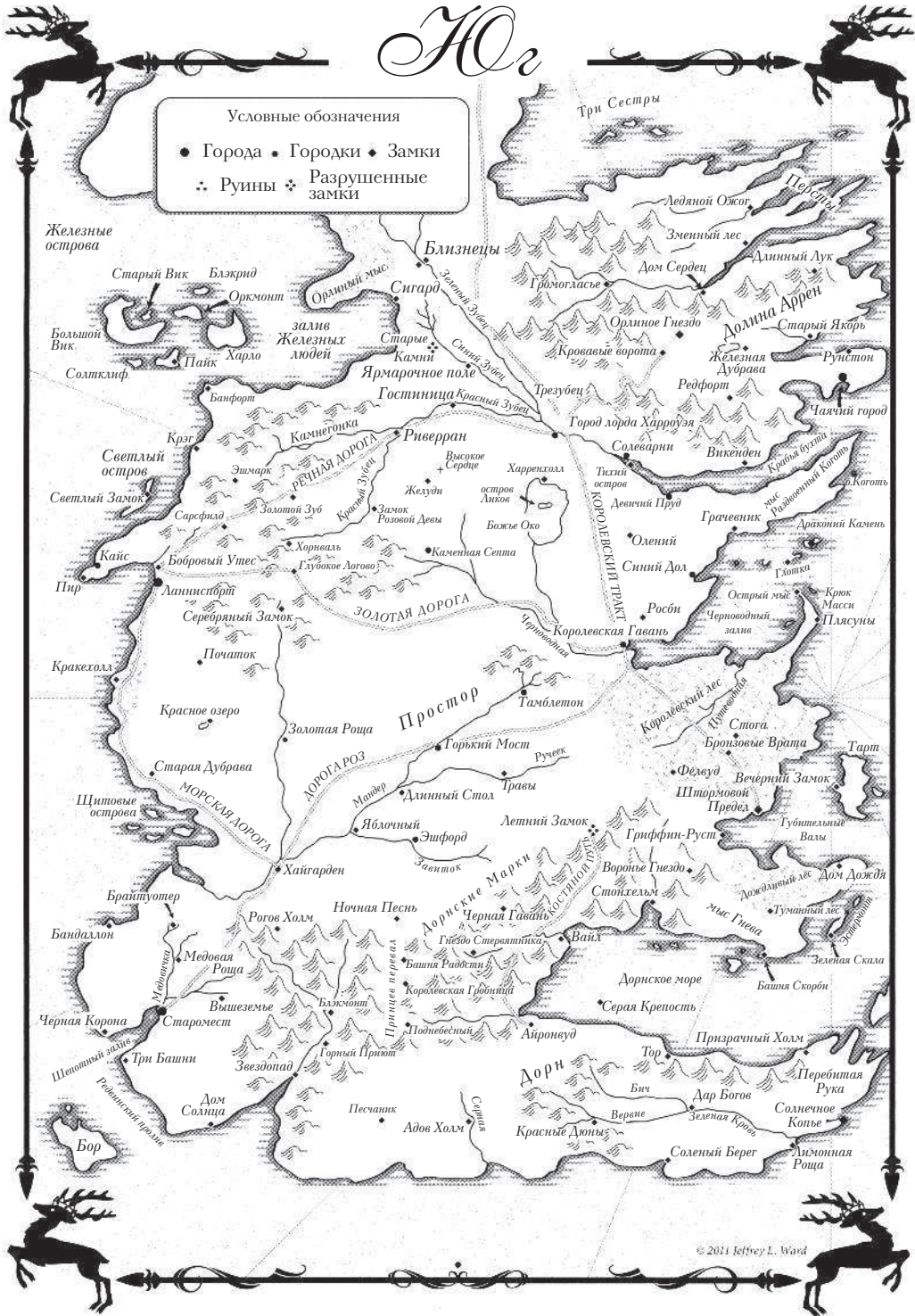
- Условные обозначения
- Города • Городки ♦ Замки
  - ⋆ Руины ❖ Разрушенные замки

Юг

Условные обозначения

- Города • Городки • Замки
- ⋯ Руины ❖ Разрушенные замки

За Стеной

Условные обозначения

- Селения • Замки
- * Разрушенные замки

Край Вечной Зимы
(на карту не нанесен)

Тенния

Молочная

Молочная

Волчий перевал

Край Мороза

Кулак Перевых Людей

Оленья

Зачарованный лес

Зачок Крастера

Белое Древо

Стена

Брандопов Дар

Корона Королевы

См. внизу

Новый Дар

Ледовый залив

Суровый Дом

мыс Суровый

Скейн

Тюлений залив

Скагос

Белое Древо

Стена

Западный Дозор

Что-у-моста

Теснина

Суровый Башня

Сторож

Серый Дозор

Кабанья Деверь

Морозный Холм

Ледовый Порог

Твердый Порог

Глубокое Озеро

Врата Королевы

Черный Замок

Душевая Шпиль

Лесной Дозор

Что-у-пруда

Соборный

Восточный Дозор

Что-у-моря

Корона Королевы

Серебряный Иней

Боченок

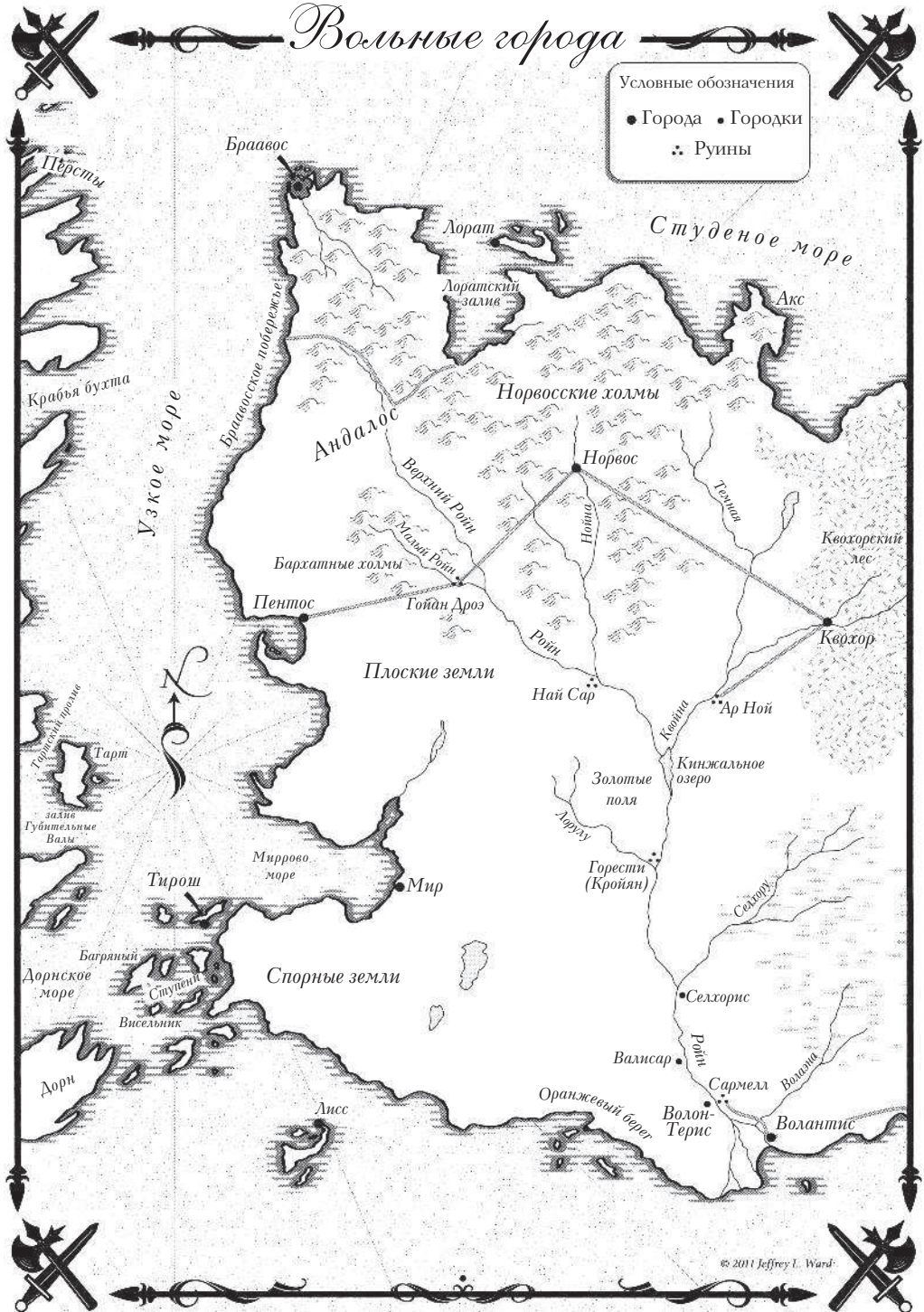
Факел

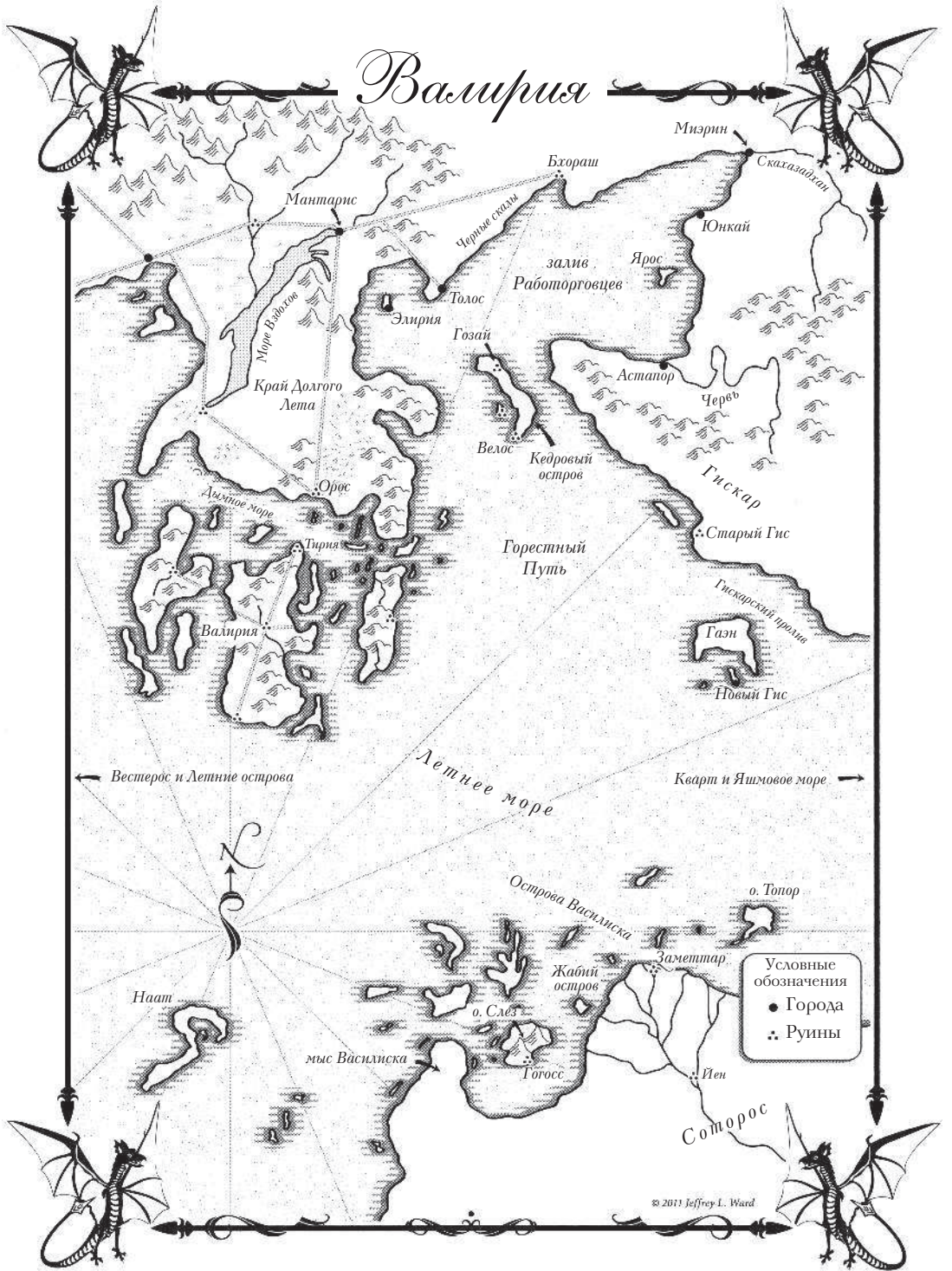
Зеленый Дозор

Вольные города

Условные обозначения

- Города
- Городки
- ⋯ Руины

ГРЕЗЫ И ПЫЛЬ

ПРОЛОГ

Ночь разила человеком. Варг принюхался, стоя под деревом; тень легла пятнами на его серо-бурый мех. Насыщенный хвоей ветер нес и другие запахи — лисица, заяц, олень, тюлень, даже волк, — но они тоже были связаны с человеком. Всё это старые шкуры, почти неразличимые под вонью дыма, крови и гнили. Только человек сдирает шкуры с других зверей и надевает их на себя.

Но варги в отличие от простых волков его не боятся. Снедаемый ненавистью и голодом зверь зарычал, призывая своего одноглазого брата, свою хитрую сестричку. Они, тоже чуя поживу, пустились за ним через лес. Их глаза помогали варгу, длинные серые пасти дышали паром. На лапах нарост твердый как камень лед, но впереди ждала добыча. Мясо. Сочная плоть.

В одиночку человек слаб. Видит он хорошо, зато слышит плохо, а чутье — совсем никуда. Олень, лось, даже заяц бегают быстрее его, медведь и вепрь страшнее в бою. А вот человечесьи стаи опасны. Варг, приближаясь, слышал щенячий скулеж, хруст свежего снега под неуклюжими лапами, дребезжание твердых шкур и длинных серых когтей.

Мечи, подсказал ему голос внутри. *Копья*.

Голые ветки щерились ледяными зубами. Варг, вздымая снег, мчался через подлесок, остальные за ним — в гору и вниз, пока лес не расступился. Среди людей была одна самка. Детеныша, завернутого в мех, она прижимала к груди. *Оставь ее напоследок*, сказал голос внутри, *самцы опаснее*. Они громко ревели, как это водится у людей, но варг чуял их ужас. Один метнул деревянный зуб с себя ростом, но рука у него дрогнула, и зуб прошел высоко.

Волки напали.

Одноглазый брат повалил в снег метателя зуба и разорвал ему горло. Сестра подобралась сзади к другому самцу и убила его. На долю варга остались самка с детенышем.

У нее тоже был зуб, костяной, но она выронила его, когда варг схватил ее за ногу, а пискуна своего удержала. Тощая под мехами, кожа да кости, зато в вымени полно молока. Самое вкусное, детеныша, вожак приберег для брата. Снег вокруг стаи сделался красным и розовым.

За много лиг от этого места, в глинобитной, крытой тростником хижине с дымовым отверстием и земляным полом трясся, и кашлял, и облизывался Варамир. Глаза у него покраснели, губы потрескались, в горле пересохло, раздутый живот молил о еде, но рот наполнился вкусом крови и жира. «Ребячье мясо, — думал он, вспоминая Пышку. — Человечинка». Надо же, как низко он пал. Ему прямо-таки слышалось ворчание Хаггона: «Люди могут есть мясо животных, и звери — плоть человека, но человек, едящий себе подобных, мерзок».

«Мерзость». Любимое слово Хаггона. Есть человечину — мерзость; спариваться с кем-то, как волк с волчицей, — мерзость; занимать тело другого человека — наихудшая мерзость. Хаггон был слаб, потому что боялся собственной силы. Он умер, рыдая, когда Варамир отнял у него вторую жизнь и пожрал его сердце. Варамир многому у него научился, и последним уроком стал вкус человечины.

Он ел ее только в волчьем обличье, в человеческом никогда, а его стая... что ж стая? Они изголодались не меньше, чем он. Двое мужчин и женщина с младенцем убегали от победителей, но от смерти не убежали. Голод и холод все равно убили бы их. Так лучше, быстрее. Милосерднее.

— Милосерднее, — сказал он вслух. Горло саднило, но услышать человеческий голос, даже свой собственный, было приятно. В хижине пахло сыростью и плесенью, сидеть было жестко. Кашляя и содрогаясь попеременно, он подвинулся как можно ближе к огню, который больше дымил, чем грел. Рана, вновь открывшаяся в боку, причиняла ему сильную боль, кровь промочила штанину до колена и запеклась бурой коркой.

Колючка предупреждала, что рана может открыться. «Я зашила ее, как могла, — говорила она, — но ты двигайся поменьше и дай ей зажить, иначе шов разойдется».

Копьеносица Колючка осталась с ним до последнего. Крепкая, как старый корень, обветренная, морщинистая, вся в бородавках. Все остальные отставали или уходили вперед — в свои старые деревни, на Молочную, в Суровый Дом или в лес, где их караулила смерть. Не все ли равно куда. Зря он тогда не вселился в кого-то из них. В одного из близнецов, в верзилу со шрамом, в рыжего парня. Побоялся: они могли догадаться, в чем тут дело, и прикончить его. Да и слова Хаггона не давали ему покоя, вот он и упустил случай.

Тысячи их пробирались через лес после битвы под Стеной, голодные и напуганные. Одни поговаривали о возвращении в давно покинутые дома, другие рвались опять штурмовать ворота, прочие, которых было больше

всего, вовсе не знали, куда теперь идти и что делать. Они ушли от черных ворон и рыцарей в серой стали, но впереди их поджидали еще более безжалостные враги. Каждый день у тропы оставалось все больше мертвых. Люди гибли от голода, холода, от болезней, от руки бывших соратников, с которыми еще недавно шли на юг в войске Манса-Разбойника, Короля за Стеной.

«Манс пал, — шептались выжившие, — Манс в плену, Манс убит». «Харма мертва, Манс в плену, — говорила Колючка, зашивая ему рану, — все остальные нас бросили. Кто знает, где теперь Тормунд, Плакальщик, Шестишкурый, все другие храбрые воины».

«Она не знает, кто я, — понял тогда Варамир, — да и откуда ей знать». Без своих зверей Варамир Шестишкурый, преломлявший хлеб с Мансом-Разбойником, ничем не отличается от других. Он сам себя назвал Варамиром, когда ему было десять. Имя, достойное лорда, имя для песен, мощное, наводящее страх, однако его носитель улепетывает от ворон не хуже испуганного зайчишки. Копьеносице он открыться не захотел, назвался Хаггоном. Непонятно, почему из всех на свете имен ему подвернулось это. Варамир съел его сердце и выпил кровь, но Хаггон не оставляет в покое ученика.

Однажды к беглецам прискакал разбойник на тощем белом коне. «Идите все на Молочную! — кричал он. — Плакальщик собирает там войско, чтобы перейти Мост Черепов и взять Сумеречную Башню». Многие пошли за ним, многие нет. Позже какой-то грозный воин в янтаре и мехах ходил от костра к костру, убеждая всех идти на север и укрыться в долине теннов. Варамир так и не понял, почему он считает тот край безопасным, раз сами тенны оттуда бежали, но с воином ушли несколько сотен человек. Еще несколько сотен последовали за лесной ведьмой: ей было видение, что некая флотилия идет к берегам Студеного моря, чтобы увезти вольный народ на юг. «К морю!» — призвала Мать Кротиха и увела своих верных на восток.

Будь Варамир крепче, он тоже пошел бы с ними, — но он был ранен и знал, что не дойдет до далекого холодного моря живым. Он умирал уже девять раз: эта смерть станет для него окончательной. Беличий плащ! Его пырнули ножом из-за беличьего плаща!

Владелице плаща разнесли голову всмятку, но вещь уцелела. Шел снег, а Варамир бросил все свое добро под Стеной. Спальные шкуры, вязаные подштанники, овчинные сапоги и меховые рукавицы, мед и другие запасы, волосы женщин, с которыми спал, даже золотые браслеты, подарок Манса. Варамир сгорел заживо, а после бежал, обезумев от боли и ужаса. Он до сих пор испытывал стыд, вспоминая об этом, но он такой был не один. Другие тоже бежали, сотни и тысячи. Битва была проиграна. Рыцари, неуязвимые в стальной броне, убивали всех, кто пытался оказать им сопротивление. Беги или умирай — вот как обстояло дело.